

РАССКАЗЫ

НАЗАРА ИЛЬИЧА
ГОСПОДИНА
СИНЕБРЮХОВА

ПЕТЕРБУРТ

1922.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

**РАССКАЗЫ
НАЗАРА ИЛЬИЧА
ГОСПОДИНА СИНЕБРЮХОВА**

ПЕТЕРБУРГ
ЭРАТО
1922

Ворогову, Корсакову
Костас Фегуну.
Некто Керуто

Куртанду

27/12 22

Библиография.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова. Петербург. Эрато, 1922, 76 стр.

К современным русским художникам снова совершенно неприменимы утверждения Анатоля Франса: „можно с уверенностью сказать, что поэты, обыкновенно, не знают тех научных законов, которым и повинуются, слагая прекрасные стихи. Что касается стихосложения, они совершенно основательно руководствуются наивной опытностью.“ Отсталой „ересью“ для русских художников является положение: „в искусстве, как в любви достаточно одного инстинкта, наука же вносит лишь нежелательную ясность,“ совета „не нужно слишком горячо спорить о законах искусства они не приемлют, живут и работают в атмосфере, насыщенной разговорами и „горячими спорами“—о языке, о сюжете, о ритме, об инструментовке!.. и т. д., и т. д. О „наивной опытности“ не может быть и речи! А в результате, читая их произведения, все же часто вспоминаешь „отсталого“ А Франса: „хотя красота и зависит от геометрии, но прелесть изящных фигур можно постигнуть лишь чувством“... В результате получается не столько „нежелательная ясность“, сколько искусство „как прием“ прорыв художественной ткани острием обдуманного приема, утрата аромата художественной непосредственности. В языке не столько столь популярной теперь „заумности“ сколько-надуманности, надуманность, обнаженная приемность и в сюжете, и в ритме, и в инструментовке и т. д...

В „рассказах господина Синебрюхова“ М. Зощенка, принадлежащего к „братству, в котором так много разговоров о художественной технике, стремления к созданию „школы“ (Серанионовы братья), отзвук этих разговоров часто заметно сказывается в обнаженности „приема“, причем, однако, им не столько создается нечто новое, сколько воскрешается достаточно старое. В литературной стихизации народного говора у Зощенко много моментов, напоминающих Лескова и даже Лейкина, моментов, к тому же изрядно банализированных уже у этих авторов, а вместе с тем и что-то *mutatis mutandis* от Гл. Успенского, Короленка („В облачный день“),—таково впечатление, обосновать которое примерами в краткой рецензии трудно,—что то руководимое не, технической намеренностью, а живым чутьем художественной правды. Рассказ от первого лица, конечно, облегчает задачу стихизации она словно перекладывается с автора—(автора вообще как будто нет, он только записал, фотографировал)—на его героя. Оттого с последним все говорят его языком: когда, например, дойдя „до нужного места“ Синебрюхов „спрашивает“:—„здесь ли проживает задушевный приятель Утин?“—ему, конечно, отвечают: „Да безусловно здесь проживает задушевный приятель Утин“... Ведь стихизует господин Синебрюхов... Но, конечно, вся фигура „Назара Ильича господина Синебрюхова“ и его сказ—не фонографическая запись, не фотография, а художественное достижение М. Зощенка.